

Содержание

Her. 9	6
Am. I.I	8
Her. I	10
Am. I.6	12
Her. I3	15
Am. I.2, I.9	19
Her. ???	24
Ars 0.0 [примечания]	31
Ars I.I-30	36
Ars I.89-170	40
Ars I.436	44
Ars [запоздалое предисловие]	47
Ars I.491-504	49
Ars I.759-762	55
Ars 2.535-538	58
Met. 0.0	64
Ars [не атопос, но скорее сам Овидий]	67
Met. I.I-4	70
Met. I.89-150	74
Met. I.151-162, I3.I-398	80
Met. I.253-312	84
Met. [в целом]	87
Met. 3.316-338	89
Met. II.I-84	93
Met. [эпилог]	100

Med. [введение]	103
Med. [критика]	120
Medea-сценарий	128
ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ ЯВЛЕНИЕ МЕДЕИ	128
ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ СМЕРТЬ ЯСОНА	131
ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ ИНТЕРВЬЮ	136
ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ СМЕРТЬ ЯСОНА 2	136
ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ ОТРЯД ДЕТЕЙ ТАНЕЦ	140
ШЕСТОЕ ДЕЙСТВИЕ МЕДЕЯ КОЛЕСНИЦА	141
Trist. I.3	144
Trist. I.I.	150
Trist. 2, 3.2, 3.8, 5.2	156
Pont. I [дорога]	161
Pont. 2	167
Pont. 3	172
Pont. 4	178
Fast. [с начала и до конца]	184
P.S.	193

Her. — Heroides (Героиды)
Am. — Amores (Любовные элегии)
Ars — Ars Amatoria (Наука любви)
Met. — Metamorphoses (Метаморфозы)
Med. — Medea (Медея)
Trist. — Tristia (Скорбные элегии)
Pont. — Epistulae ex Ponto (Письма с Понта)
Fast. — Fasti (Фасты)

Прием, мы смотрим на одну новостную сводку — может, чуть различаясь. Может, я вовлечена в то, что делают твои руки уже несколько месяцев, больше, чем твои руки, больше, чем ты. Прием, мы смотрим на огонь комбината, он перетекает в черный дым над парком, и всегда кажется, что там что-то не так, будто горит не то, что нужно. Хотя это и был очередной раз, а именно: очередная вспышка огня, очередная черная лужа в полнеба на фоне постоянного запаха, кажется, серы, мы не могли пойти дальше. Мы сели на скамейку перед обрывом, внизу которого длился только лес, неширокие тропы, гаражи, к которым сложно подъехать (поэтому в них только пьют), храм и святой источник, а рядом с ним постоянно бродят, идут куда-то молодые националисты из небогатых семей. Они идут в поисках нефоров из других небогатых семей — несовершеннолетних мальчиков и девочек с бутылками «Виноградного дня» в рюкзаках, его продают кому угодно в ларьке недалеко от парка, он сильно пахнет спиртом и дешевыми ароматизаторами. А мы сели на скамейку перед обрывом, и взгляд упирался в завод, единственную причину существования этого города. Когда в детстве от деда я слышала слово «сталевар», я представляла огромную кастрюлю с крышкой в виде трубы, в которой варят сталь, и она скоро превращается в черный дым, который заволакивал небо, пока мы сидели перед обрывом. Перевернутый быт металлурга: я ложилась спать, а дед одевался в рабочую одежду, чтобы дышать жаром, смотреть неустанный огонь, иногда он видел аварии — например, опрокинутый чан и голос, подобный не шуму многих вод, но протяженному треску болгарки, который скоро перекатывался в круговорот документов, бюрократическое оформление несчастного случая — хорошо, что

для катастрофы уже подготовлен язык. Дым был настолько настоящим и заметным, что казался прифотошопленным к синему фону летнего города, он сдавливал пространство своим объемным кожаным телом, на теле торчали жирные жилы, воткнешь в него иглу, и на постройки из резко расширяющейся дыры выльется густая смола. Так казалось, пока мы сидели перед обрывом, и я думала о тревоге и радости оттого, что видеть этот ландшафт — теперь, возможно, самое страшное. На твоих глазах была только радость и все, только кипящая смола, из полной чаши города собранная в твои зрачки, существа с вертикальными разрезами ртов, расцарапанное лицо луны, ножи и грозы, железные жвалы и длинные фаллические шеи с крепкими зубастыми наконечниками, двойное солнце, желеющее слиться воедино, пакеты с животным мясом, троящиеся тела, бесконечный металл, перевариваемый собственным сиянием. Я сидела перед обрывом, ты отсутствовал, я говорила, а ты молчал, я целую твое лицо, как последнее слово, прощальная речь, я кладу факт твоей гибели — конечно, героической, какой еще — на твое тело, как на стол. Прием, это я, девочка — твоя, как земля и как знамя. Ты из могилы размахиваешь моим именем, пока твое висит на баннерах над загруженным шоссе, в общественном транспорте. Таксист, утомленный работой, смотрит на твой ясный лик под шлемом, дежурно размышляя, как и каждый увидевший, жив ли ты или нет. Ты кот в мешке, помещаешься между списком продуктов и вечерним просмотром кино. Когда-нибудь ты застрянешь в вагоне метро на бесконечной кольцевой, напротив тебя будет висеть плакат с моим лицом: вытаращенные глаза, пена у рта, полное имя рядом, и тебе никак не удастся покинуть поезд. Но ты захочешь остаться, Геракл.

Я, Публий Овидий Назон, человек, рожденный завтра, поэт, выбравший писать любовно, наверное, нащупавший эту линию ускользания, временной период, паузу, из которой такое письмо возможно, по крайней мере, из которой речь о таком письме допустима, приступал к прозе несколько раз. Необходимо было найти точку сопротивления. Необходима была машина. Например, Гомер. Гомер-машина. Совершенная пустота и *мэнин-азйде-теа*, многократно отточенные и уточненные сухими губами рапсодов. Что-то бесконечно удаленное, то есть сплошной звук, для которого можно придумать приблизительное значение, инопланетную этимологию, как «человечный» или «подобный». Хомерос то есть. Когда у меня спросили, почему нам, светловолосым студентам, так нравится писать об Античности, я не нашел ответа. Я не нашла, по крайней мере, внятного ответа. Мы сидели на кухне, курили сигареты со странной кнопкой, простыни, вывешенные на балконе, открытом для дыма, закупоривали помещение, и влага, смешанная с горением табака, доводила до тошноты, легкие будто увлажнялись и высыхали одновременно. Это обстоятельство точно накаливало важность вопроса. Мне нужно было сформулировать ответ, дым укалывал виски. Не помню, что я ответил: было что-то про сжатие этой сферы до краев. На краях что-то, что я знаю о любви. Публий Овидий Назон начинает свою книгу с поэтологии, он пишет: «Сначала я хотел писать гекзаметром, и шум сражения должен был стать текстом, но Купидон своровал по стопе из каждой второй строки, и элегический дистих напомнил мне о настоящем импульсе моего письма. По-немецки это LIEBE». Но потом проникает *militat omnis amans* (то есть *каждый, кто любит, воюет*). Овидия брат — Козлов, прибывший на котлован

пассажиrom в автомобиле. Сегодня он ликвидировал как чувство свою любовь к одной даме. Райнер Вернер Фассбиндер тем временем снимает себя в (возможно) своем интерьере, это фильм о терроре и матери, о личном и политическом. Германия осенью. Ночью холодно, и Райнер Вернер встает с кровати, совершенно обнаженный. Он подходит к телефону, садится на пол, спина его прижата к стене. Говорит (нервно): Баадер, Энслин, Распе мертвы. Райнер Вернер говорит это, не верит в это, трогает свое тело, как трогают сломанную игрушку (SPIELZEUG), нащупывая повреждение, сжимает свой член наподобие губки — автоматизм пальцев, движение наотмашь, нет смысла, случайные сокращения. Райнер Вернер выгоняет сожителя, орет на мать, смывает порошок, слыша сирены в окне. Тогда он подходит к звукозаписывающему устройству, надиктовывая сценарий большого сериала, ведь снимать нужно, пока получается. Как? Не о политике, но политически. Не о войне, но войной. Не элегическим дистихом, но гекзаметром. Вот тогда-то и влетает в комнату сын генерала, некто по имени К. с агрессивным бебифейсом и искривленным ртом. Он пронзает живот тебе, Райнер Вернер Фассбиндер, он кричит и спрашивает у тебя, Райнер Вернер Фассбиндер, где твоя витальность, сука. Разошлись полюбовно, конечно. И мы переходим на ямб, веселя лицо, и мы говорим, что *Liebe* все-таки *kälter als der Tod*, как название фильма, о котором мы постоянно думаем, но сам фильм не видели. Тогда мы из Москвы транслируем радостно рекламу смерти с нами в главных ролях. С ямбом, естественно, с резкими склейками.

Троя дробится мне в ленту. У батареи все еще тепло, а кровать холодная. Она стоит в углу комнаты, и я всегда выбираю ложиться лицом к стене, чтобы пустое пространство не заливалось в меня сквозь сомкнутые веки, оно большое и страшное. Павший город — юридическая особенность, пустой документ, повестка. ВСТУПИТЬ В СИЛУ могло бы только твоё тело, необязательно согревающее твою фригидную, зачеркиваю, холодную сторону постели. Спроси у меня, Пенелопы, которая прямо сейчас пишет это письмо, сколько раз твой образ уничтожался в моей нездоровой груди. Он возникает, он взлетает, он падает, в него летят копыта стрелы снаряды бомбы метательные ножи сюрикены (это вообще откуда) палки осколки гнилые овощи яйца кирпичи пули. Болезненное — нетрезвое даже — сознание, построенное на смежностях, построенное на метонимиях. Таким образом, гибель Патрокла есть твой раздираемый, как хрупкий холст, торс, твой мясной торс. Казнь ШЛЕМОБЛЕЩУЩЕГО — это круги твоих глаз, для обозначения которых достаточно капли вина, размазанной по столу, а в них только радость, только кипящая смола, двойное солнце, пакеты с животным мясом, тогда же в кадр въезжает ТРОЯНСКИЙ КОНЬ твоих намерений, железные жвалы, троящиеся тела, груды оружия в полости деревянного животного, горячее, потное дыхание кучки мужчин, налезавших друг на друга, приготовивших подарок смерти по твоему собственному рецепту. Бойтесь *данаос-эт-дона-ферентес*, враждебные женщины, милые, вашей кровью смочены любовные руки ахейских мужей. Ожидание — это непонимание ритма, и я бью невольно. Я была, ты отсутствовал, я говорила, а ты молчал, ты целуешь мое тело как распутанный саван, непослушные нити налипают под губы. Виртуальный

секс прямиком из окопа, вебкам на военном корабле, твои обрезанные части тела, растянутые во весь экран. Улыбнись бедром или уздечкой, у тебя сто двадцать зрителей. Прием, хитрожопый Улисс, это я, девочка — твоя, как земля и как знамя. Как безупречно чисты оказываются твои руки, когда ты говоришь, что возлежал с ней на острове БЕЗ УДОВОЛЬСТВИЯ. Надеюсь, дряхлая старуха, найденная тобой в будущем на Итаке, внушит тебе нечеловеческий сатисфэйшн, когда в слезах ты будешь рассказывать о страданиях в чужой постели, икоте и заикании над устами нимфы. На саване шьется история, где надрывается каждым отверстием Улисс-оркестр, медный ор посуды его заглушают сурдины, поэтому на выходе слышен только безобразный хрип, ненормальный рев: попытка распознать похеренное тело, в ров сброшенное. Спроси у меня, Пенелопы, которая прямо сейчас пишет это письмо, во что и в кого обращался Протей, о твоей судьбе спрошенный, во что и в кого обращался Протей, твоя душа родственная, твой друг закадычный, ебанный твой рот. Так вот, что касается кадыка, который сын твой в позвоночник божества вдавливал, он сработал как кнопка, активация нескончаемой метаморфозы. Остается гадать, как выглядит удушье воды, рот дерева, хватающий воздух, губы ковра и гортензии, схватки рыбы, руки облака, за руки душителя цепляющиеся, как выглядишь ты, возвращенный.